

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ HISTORIOGRAPHICAL STUDY

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-105-118

EDN: HJSNJA

Научная статья / Research article

Описание кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в мусульманских сочинениях первой половины XIII в.: к проблеме историографической преемственности

Д.М. Тимохин¹ , В.В. Тишин²

¹Институт востоковедения РАН,
107031, Российская Федерация, Москва

²Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
670047, Российская Федерация, Улан-Удэ

 horezm83@mail.ru

Аннотация. Исторический труд первой половины XIII в. «Джавам ул-хекайат ва лаваме ур-ревайат» («Сборник анекдотов и блестящих рассказов»), принадлежащий перу Сеид ад-Дина Мухаммада 'Ауфи, включает в себя значительный раздел по истории кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака. Несмотря на то, что данный памятник хорошо известен исследователям, данный раздел из «Джавам ул-хекайат» никогда полностью не переводился на русский язык. Он был опубликован в первом томе «Туркестана в эпоху монгольского нашествия» В.В. Бартольдом на основании нескольких рукописных списков. Цель данного исследования заключается с одной стороны в том, чтобы познакомить исследователей с содержанием указанного раздела из сочинения Мухаммада 'Ауфи, а с другой — выделить его историографическую связь с более ранними памятниками мусульманской историографии. Проведенное исследование еще раз продемонстрировало тот факт, что основой для раздела «Джавам ул-хекайат», посвященного кочевым тюркским племенам Дешт-и Кыпчака, стал труд первой половины XII в. «Таба'и' ал-хаййаван» («О природе животных») выдающегося мусульманского ученого — Шараф ал-Заманом Тахиром ал-Марвази. Со своей стороны, Мухаммад 'Ауфи не стал полностью приводить рассказ более раннего автора: наибольшее внимание его привлекла та часть текста «Таба'и' ал-хаййаван», где речь шла о племенном союзе кыркызов. Другие кочевые тюркские племена в «Джавам ул-хекайат» описаны гораздо менее подробно иногда

© Тимохин Д.М., Тишин В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

с очевидными ошибками и искажениями, которые допустил или сам Мухаммад ‘Ауфи, или переписчик его сочинения, при передаче топонимов и этнонимов, заимствованных из текста «Табә’и’ ал-хаййаван». Таким образом, эволюция нарратива о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака в мусульманской историографии XII — начала XIII вв. достаточно четко прослеживается при сравнении двух этих разделов из «Табә’и’ ал-хаййаван» ал-Марвази и «Джавам ул-хекаят» Мухаммада ‘Ауфи.

Ключевые слова: Мухаммад ‘Ауфи, кочевые тюркские племена, ал-Марвази, Джавам ул-хекаят, историографическая преемственность

История статьи: Поступила в редакцию: 26.07.2023. Принята к публикации: 04.10.2023.

Для цитирования: *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* Описание кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в мусульманских сочинениях первой половины XIII в.: к проблеме историографической преемственности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 105–118. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-105-118>

Description of Nomadic Turkic Tribes of Eastern Desht-i Qipchāq in Muslim Writings of the First Half of the 13th century: on the Problem of Historiographical Continuity

D.M. Timokhin¹ , V.V. Tishin²

¹Institute of Oriental studies of the RAS,
Moscow, 107031, Russian Federation

²Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS,
Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

 horezm83@mail.ru

Abstract. The historical work of the first half of the 13th century “Jawāmi‘ ul-Hikāyāt wa Lawāmi‘ ul-Riwāyāt” (“A Collection of Anekdotés and Brilliant Stories”), written by Sayyīd al-Dīn Muḥammad ‘Awfī, includes a significant section on the history of the nomadic Turkic tribes of Desht-i Qipchāq. Despite the fact that this monument is well known to researchers, this section from “Jawāmi‘ ul-Hikāyāt...” has never been fully translated into Russian. It was published in the first volume of “Turkestan in the Era of the Mongol invasion” by V.V. Barthold on the basis of several handwritten lists. The purpose of this study is, on the one hand, to acquaint researchers with the content of this section from the work of Muḥammad ‘Awfī, and on the other hand, to highlight its historiographical connection with earlier monuments of Muslim historiography. The conducted research once again demonstrated the fact that the basis for the section “Jawāmi‘ ul-Hikāyāt...”, dedicated to the nomadic Turkic tribes of Desht-i Qipchāq, was the work of the first half of the XII century. “Kitāb Ṭabā’i‘ al-Ḥayawān” (“On the Nature of Animals”) by an outstanding Muslim scientist — Sharaf al-Zamān Ṭāhir al-Marwazī. For his part, Muḥammad ‘Awfī did not fully cite the story of an earlier author: the part of the text “Ṭabā’i‘ al-Ḥayawān”, where it was about the tribal union of the Qırqız, attracted his greatest attention. Other nomadic Turkic tribes in “Jawāmi‘ ul-Hikāyāt...” are described in much less detail, sometimes with obvious mistakes and distortions, which were made either

by Muḥammad ‘Awfī himself, or by the copyist of his work, when transmitting toponyms and ethnonyms borrowed from the text of “Ṭabā’i‘ al-Ḥayawān”. Thus, the evolution of the narrative about the nomadic Turkic tribes of Desht-i Qipchāq in Muslim historiography of the 12th — early 13th centuries is quite clearly traced when comparing these two sections from “Ṭabā’i‘ al-Ḥayawān” by al-Marwazī and “Jawāmi‘ ul-Hikāyāt...” by Muḥammad ‘Awfī.

Keywords: Muḥammad ‘Awfī, nomadic Turkic tribes, al-Marwazī, Jawāmi‘ ul-Hikāyāt..., historiographical continuity

Article history: Received: 26.07.2023 Accepted: 04.10.2023.

For citation: Timokhin DM., Tishin VV. Description of nomadic turkic tribes of eastern Desht-i Kipchak in Muslim Writings of the First Half of the XIII century: on the Problem of Historiographical Continuity. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):105–118. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-105-118>

Введение

Мусульманские сочинения первой половины XIII в. как исторического, так и историко-географического содержания далеко не всегда были по достоинству оценены исследователями: достаточно вспомнить характеристику «Джахан-наме» Мухаммада б. Наджиба Бакрана, которую дал этому памятнику известный российский ученый А.П. Новосельцев. «В одной рукописи с „Худуд ал-Алам“ находится еще один географический источник на персидском языке. Называется он “Джаханнаме” (“Книга мира”) и написан неким Наджибом Бекраном в первой четверти XIII в. Источник издан фототипическим способом вместе с вариантом его по парижской рукописи XV в. Сведения о хазарах в нем краткие и в целом известные» [1. С. 21]. Подобное отношение к отдельным памятникам мусульманской историографии первой половины XIII в. в исследовательской среде, как видно и на приведенном примере, вызвано компилятивным характером многих из них. В свою очередь, содержащиеся в них сведения о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака также не всегда внимательно анализировались учеными опять же в виду их очевидного заимствования из более ранних мусульманских исторических и географических сочинений. Впрочем, далеко не всегда это было обусловлено исключительно компилятивностью содержания, как это видно в случае с сочинением Фахр-е Модаббера, чьи сведения о кочевых тюркских племенах были проанализированы нами в более раннем исследовании [2. С. 38–50]. В этой же статье нам хотелось бы обратить внимание на сравнительно хорошо известный исследователям мусульманском памятнике первой половины XIII в., чьи сведения о кочевых тюркских племенах сравнительно редко рассматривались специально на фоне более ранних мусульманских исторических и географических сочинений. Речь идет о сочинении «Джавам ул-хейкаят ва лаваме ур-ревайат» («Сборник анекдотов и блестящих рассказов») мусульманского историка Сеид ад-Дина Мухаммада ‘Ауфи, чей нарратив

в данном случае очевидно связан с более ранней историографической традицией. Сам по себе факт компилятивности рассказа о тюрках этого мусульманского историка не должен становиться причиной того, чтобы не учитывать его сведения наряду с данными других мусульманских памятников, пусть и более оригинальных по своему содержанию. Кроме того, стоит отметить и тот факт, что раздел о тюрках из состава «Джавам ул-хекаят» никогда ранее не переводился полностью на русский язык, так что одна из задач данной статьи познакомить широкого читателя с содержащимися в нем сведениями. Отдельно нами будет разобрана историографическая преемственность между данным отрывком из сочинения Сеид ад-Дина Мухаммада ‘Ауфи и трудами более ранних мусульманских историков: к этой проблематике частично обращались более ранние исследователи, однако некоторые моменты были проанализированы ими весьма кратко или вовсе остались обойденными их вниманием. Таким образом, главная цель данной статьи с одной стороны представить широкому читателю перевод на русский язык фрагмента из «Джавам ул-хекаят», посвященного кочевым тюркским племенам Дешт-и Кыпчака, проанализировать особенности этого описания, а с другой — еще раз продемонстрировать его очевидную историографическую связь с более ранними памятниками мусульманской историографии.

Об источнике

Относительно сочинения Мухаммада ‘Ауфи «Джавам ул-хекаят ва лаваме ур-ревайат» определенные сведения сообщает уже В.В. Бартольд в рамках «Туркестана в эпоху монгольского нашествия». *«Около 625/1228 г. в Индии была написана антология Мухаммеда Ауфи “Сборник анекдотов и блестящих рассказов”. Автор в молодости много путешествовал, был в Бухаре и в Хорезме. Их приведенных в его книге анекдотов для нас имеет наибольшее значение довольно многочисленные рассказы о Караханидах, особенно о Тамгач-хане Ибрахиме б. Насре. Кроме анекдотов, книга включает в себе историческую и географическую главы; в последней особенно интересны сведения о восточноазиатских и тюркских племенах; между прочим, автор первый их мусульманских писателей говорит об уйгурах»* [3. С. 83]. Впрочем, это сообщение выдающегося российского востоковеда является далеко не первым упоминанием об этом сочинении ‘Ауфи¹: достаточно вспомнить второй том классического издания «История Индии как рассказывают ее собственные историки» [6], где присутствует подробное описание самого

¹ Этот мусульманский историк известен и другим своим сочинением, «Лубаб ал-албаб» («Сердцевина сердевин»), которое представляет собой поэтическую антологию. Несмотря на то, что это сочинение само по себе не является историческим, в нем содержится немало ценных сведений, востребованных в разное время востоковедами [4. С. 230; 5. С. 404; 3. С. 441] — *Д.Т.*

этого сочинения и биографии его автора. О структуре источника составители указанного издания сообщают следующее: *«Произведение разделено на четыре Кисмы или части, каждая из которых содержит двадцать пять глав, но первая часть является самой длинной и занимает около половины произведения. Первые пять глав посвящены соответственно (1) Атрибутам Творца, (2) Чудесам пророков, (3) Чудесным историям святых, (4) Анекдотам о царях Персии и (5) Анекдотам о халифах. Следующая глава посвящена справедливости, а все остальные аналогичным образом посвящены иллюстрации некоторых моральных или интеллектуальных качеств»* [6. С. 156].

Современные исследователи высказывали схожее относительно структуры и содержания этого сочинения Мухаммада 'Ауфи: *«„Джавам ул-хекайат ва лаваме ур-ревайат“, сборник анекдотов в прозе, состоящий из 4 разделов, каждый из которых состоит из 25 глав. При составлении этого очень обширного сочинения 'Ауфи использовал материал из исторических сочинений, художественной литературы, рассказов и отчетов, доступные ему сведения о поэтах и писателях и т.д. Некоторые источники, которыми он пользовался, утеряны. Этот сборник имеет значение не только как памятники литературы, но также имеет исторические и другие аспекты, придающие ему особую ценность»* [7. С. 117–118]. В этой цитате нас больше всего интересует момент, который связан с источниками сочинения Мухаммада 'Ауфи — исследователи признают, что часть из них до сих пор остается неизвестными для востоковедов. Справедливости ради стоит отметить, что связь между этим памятником и некоторыми другими мусульманскими текстами установлена сравнительно давно, однако это касается далеко не всех частей этого обширного произведения. *«В качестве источников, из которых были взяты эти истории, упоминается множество различных книг. Среди них Тарих Йамини, Тарих-и Насири, Тарих-и Мулук-и 'Аджам, Тарих ал-'Аббас, Маджма' ал-Амсал, 'Айн ал-Ахбар, Шарфу-н-Наби, Фарадж ба'ад ал-Шиддат, Халк ал-Инсан, Фаваид-и Кутб-и Хикайати, Мифтах ал-Хадж, Сарр ал-Дари, Шаджрат ал-Акл, Ахбар-и Барамика и другие»* [6. С. 157]. Что же касается непосредственно раздела о тюрках в составе сочинения Мухаммада 'Ауфи, то о его связи с более ранними памятниками мусульманской историографии мы подробно скажем ниже.

Отчасти проблемы с идентификацией историографических связей между «Джавам ул-хекайат» более ранними памятниками мусульманской историографии может быть объяснено тем, что до сих пор нет полного издания текста Мухаммада 'Ауфи. Помимо этого существуют несколько переводов отдельных фрагментов этого сочинения, как сравнительно давних, так и весьма современных [См.: 6. С. 157–203; 8. С. 178–206, 197–230]. Впрочем, это вряд ли может объяснить тот факт, что опубликованный В.В. Бартольдом в первом томе «Туркестана в эпоху монгольского нашествия» [9] на основании нескольких рукописей большой фрагмент текста «Джавам

ул-хекайат» до сих не практически был объектом пристального внимания российских исследователей [9. С. 83–101]. В составе зарубежной историографии редким исключением здесь следует признать классические исследования Й. Маркварта [10. С. 25–238; 11. С. 289–300], в которых он привел не только частичный перевод раздела сочинения Мухаммада ‘Ауфи, посвященного кочевым тюркским племенам Дешт-и Кыпчака, но также и фрагмент персидского текста источника с весьма ценными, с нашей точки зрения, комментариями [10. С. 39–42]. Другим примером обращения к интересующему нас фрагменту из «Джавам ул-хекайат» следует признать работу Рамазана Шэшэна, в которой им был приведен более полный перевод этого фрагмента на турецкий язык [12. С. 91–96]. В этом исследовании мы приведем полный перевод этого раздела на русский язык, а также попытаемся найти параллели между ним и более ранними мусульманскими историческими и географическими сочинениями, равно как и дать собственное пояснение отдельным сюжетам, о которых сообщает автор «Джавам ул-хекайат».

Перевод фрагмента из труда Мухаммада ‘Ауфи

Прежде всего, оговорим несколько важных, с нашей точки зрения, моментов: сам перевод был осуществлен нами с персидского текста, опубликованного В.В. Бартольдом в первом томе «Туркестана в эпоху монгольского нашествия». Российский востоковед включил в состав этого издания лишь отдельные фрагменты из «Джавам ул-хекайат», среди которых был и рассказ о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака. Приведенный текст источника был выстроен В.В. Бартольдом на основании пяти известных ему на тот момент списков этого источника, список которых предваряет само издание текста [9. С. 83]. Интересующий нас раздел входит в состав четвертой главы сочинения Мухаммада ‘Ауфи и помещен В.В. Бартольдом после не менее любопытного для исследователей фрагмента из «Джавам ул-хекайат», названного автором «Рассказ о Чине (Китае — Д.Т.) и народах его». Надеемся, что в будущих исследованиях нам удастся вернуться к нему и познакомить с ним читателей, поскольку он также не переведен до сих пор на русский язык, однако здесь обратим внимание исключительно на рассказ Мухаммада ‘Ауфи о тюрках и начинается он следующим образом.

«Рассказ о Тюрках. Тюрки — являются великим народом и их количество и разновидности их весьма многочисленны. Племен их и мест стоянок без счета и многие из них являются обитателями пустынь. Большая часть из них кочевники, но [некоторые из них] оседают в благоустроенных землях (то есть среди оседлых народов — Д.Т.). Среди их великих племен есть гуззы (غزى) и они состоят из двенадцати племен (دوازده قبیله اند) и большинство из них называют себя гуззами (غز). И многих из них (тюркских племен — Д.Т.) называют уйгурами (ایغور), и многие [из них] в землях Хорезма обрели радость

Ислама в этих святых землях. Тогда они из своих земель вышли и переселились в города Ислама, и они себя называли Туркманами (ترکمان, в другом списке Туркан, ترکان — Д.Т.). И многие из них были силачами, так что уже в эпоху Джагари-текина (جغرى تکين, т.е. *Чагры тегин — В.Т.) они появились и завоевали мир и имели собственного падишаха, и династия Сельджука в давние времена в господстве и завоевании стран преуспела. И среди них (тюрков — Д.Т.) есть люди, которые называют себя Кунами (قون) и они вышли из земель Ката (قتا / قبا), где и был ими оставлен их главный город и по этой же причине [оставлены их] скудные пастбища. Кинджи (کنجی) ставший хорезмшахом был из их числа. Затем они вознамерились последовать за племенем, которое называют себя Кайи (قاي). Число их и количество было весьма великим. [Однако] они от [исконных] пастбищ своих ушли далеко — и вторглись в землю Сари (ساری, правильное читать как شاری, т.е. «шары» — В.Т.), а народ Сари ушел в землю Туркменов (ترکمانیه), а Гуззы — в землю Баджанаков (بجناکيه) рядом с побережьем Армянского моря (دریای ارمنیه)².

И рядом с ними есть еще одно другое племя, которое там называют Хархиз (خرخیز, т.е. кыркызы — В.Т.) и число их весьма велико. Их место проживания между Востоком летним (مشرق صغی / صغی) и между Лахак (لحاک / کال / لحال), и Кимак (کیماک) к северу от них и Йагма (یغما) и Харлух (خرلخ) к западу от них. Одной из традиций Хархизов является сжигание своих мертвецов. Я слышал, что среди Хархизов есть люди из простонародья, которых они называют «возлюбленными» (معشوق): в один день все известные люди собираются вместе и там также присутствуют певцы и музыканты. Они пьют вино и, когда все их собрание напьется, тому человеку (то есть «возлюбленному» — Д.Т.), который подобен страдающему эпилепсией, они задают вопросы о том, что случится в конце года. Он им отвечает, будет ли этот год урожайным или голодным. И они действительно считают, что такой обман на самом деле является правдой. Знающие люди рассказывают, что [в землях] Хархизов есть четыре ущелья, в которых течет вода, и вода их из великой долины истекает. И та вода, которая в большую долину течет, между гор и мрачных пещер протекает. В книгах сказано, что некий человек из Хархизов построил малый корабль и спустил на тот поток, желая узнать его предел (протяженность — Д.Т.). Он плыл несколько дней, а затем в течение трех суток плыл в темноте, так что в эти трое суток ни света звезд, ни месяца, ни солнца не видел. И после этого степи достиг, и свет увидел. С корабля он вышел на берег и услышал звук лошадиных копыт: тогда влез на дерево и оттуда осмотрелся вокруг. Увидел трех всадников, которые проезжали мимо. Они были очень высокими, а стройность и длина их была

² Преимущественно этот отрывок текста о миграциях, впервые известный по сочинению 'Ауфи, исходно также принадлежащий ал-Марвази, привлекал исследователей (основная реконструкция см.: [13. С. 275–277], приведена литература) — В.Т.

подобно копы. С ними были собаки величиной с вола, которые встали рядом с деревом, где он [прятался]. Они его увидели и проявили к нему милосердие: тогда он слез с дерева и к ним подошел. Они посадили его на лошадь, и собаки его не тронули. Затем его привезли они в свое жилище и угостили его своей едой. Маленький размер его тела их крайне удивил, потому что они никогда людей подобных ему не видели. Однажды он от них бежал и нашел обратную дорогу, так что, в конце концов, нашел путь к дому своему. Никто не знает, кем были эти люди, и какого они племени и роду.

Другим племенем тюрков являются Харлухи (خرلخ): их местожительство — горы Бутас (بونس)³ и эти горы являются золотыми горами. Они были рабами Токузгуззов (تغزغز), но затем взбунтовались против них и ушли в земли Туркестана и многие из них приняли Ислам. Их девять группировок — три [носят название] Джакали / Масаки (جکلی / مسکی), и три [носят название] Хасаки («هسکی»), и одна [называется] Нада / Бадава (ندا / بدوا), другие [называются] Кавалин / Кавали (کوالین / کوالی) и Нахастан / Нахостин (نخستین / نخستین)» [9, С. 99–100].

Некоторые замечания к переводу фрагмента из труда Мухаммада ‘Ауфи

Прежде всего, нам хотелось бы обратить внимания на некоторые сложные моменты, связанные с переводом конкретного фрагмента из «Джавам ул-хекаят». Несколько раз встречающееся в рассказе Мухаммада ‘Ауфи племя *туркман* (ترکمان) в одном из списков рукописи читается иначе — *туркан* (ترکان), что лучше отражает множественное число от *тюрк* (ترک). Первый же вариант в нашем случае следует считать искаженным производным от *туркан*, что, в свою очередь, и является наиболее правильным чтением. Также, как уже было отмечено и в тексте самого перевода, в фразе «[Однако] они от [исконных] пастбищ своих ушли далеко — и вторглись в землю Сари, а народ Сари ушел в землю Туркменов (ترکمانیه), а Гуззы — в землю Баджанакоев (بجنایک) рядом с побережьем Армянского моря (دریای ارمنیه)» [9, С. 99], упомянутое племя *сари* — не более чем ошибка написания тюркского племени *шары* (شاری), хорошо известное исследователям. Достаточно вспомнить исследование Питера Голдена «Введение в историю Тюркских народов», где автор подробно указал все упоминания в источниках данного племенного объединения, включая и сведения из сочинения Мухаммада ‘Ауфи [13, С. 274–276].

Гораздо больше вопросов вызывает та часть приведенного В.В. Бартольдом фрагмента из «Джавам ул-хекаят ва лаваме ур-ревайат», где мусульманский автор приводит локализацию проживания племени кыркызов. «Их место проживания между Востоком летним (مشرق صغی)

³ У Р. Шэшэна — برلس [12, С. 93].

и между Лахак (لحاك / كال / لحال), и Кимака (كيماتك) к северу от них и Йагма (يغما) и Харлух (خرلخ) к западу от них». В этой фразе изначально неясно выражение مشريق صنغى / صنغى, равно как и указание то, что кыркызы проживают между «Лахак и Кимака». В отношении первого выражения следует отметить, что сам В.В. Бартольд не приводит никаких пояснений по этому поводу ни в тексте, ни в комментариях. В переводе этого фрагмента из «Джавам ул-хекайат ва лаваме ур-ревайат», который был осуществлен Й. Марквартом, эта фраза переводится следующим образом: «что касается их местожительства: между Востоком этот род и между Кимаком» [10. С. 42]. С нашей точки зрения, такой вариант перевод совершенно не объясняет присутствия в тексте после упоминания «Востока» дополнения в виде «صنغى / صنغى». В связи с этим гораздо ближе к истине видится вариант, приведенный в турецком переводе, осуществленном в работе Р. Шэшэна, где это место распознано как “Meşrik-i Saufi (Yazlık Doğu)”, то есть ‘летний Восток’ [12. С. 92]. Подобный перевод этого выражения, который и был использован нами, свидетельствует о том, что صنغى / صنغى — не более чем искаженное арабское слово صيف, то есть «летний».

В качестве еще одного и самого важного аргумента следует привести соответствующую цитату из сочинения «Таба’и’ ал-хаййаван» («О природе животных»), написанного Шараф ал-Заманом Тахиром ал-Марвази: об историографической связи между этим текстом и «Джавам ул-хекайат» мы подробно расскажем в следующем разделе. Здесь же отметим, что более ранний автор XII в., то есть ал-Марвази, так локализовал место проживания кыркызов. «К ним также принадлежат Кыркызы, многочисленный народ, проживающий между летним Востоком и Севером, Кимаки проживают к северу [от них]...» [14. С. 30]. В арабском тексте, который приведен в том же издании этого источника, данная фраза выглядит таким образом: و منهم خرخيز و خم أمة كثيرة و مساكنهم بين المشرق الصيفى و بين الشمال و كيماتك فى شمالهم [14. С. *18 (араб. текст)]. Таким образом, можно констатировать тот факт, что выражение مشريق صنغى / صنغى в тексте «Джавам ул-хекайат» является искаженным вариантом сообщения ал-Марвази о «летнем Востоке» или المشرق الصيفى. Что же касается упомянутого Мухаммадом ‘Ауфи топонима или этнонима Лахак (لحاك / كال / لحال), то с нашей точки зрения сама фраза است و ميان لحاك представляет собой искаженное написание исходного و بين الشمال и из той части текста «Таба’и’ ал-хаййаван».

Историографическая преемственность

Йозеф Маркварт в комментариях к своему переводу приведенного выше фрагмента из сочинения Мухаммада ‘Ауфи указывает на связь между этим нарративом и более ранними памятниками мусульманской историографии, упоминая, в частности, связь между «Джавам ул-хекайат

ва лаваме ур-ревайат» и сочинением Абу Саида ал-Гардизи «Зайн ал-Ахбар» («Украшение известий») [10. С. 42. Комм. 2]. Однако, с нашей точки зрения, главным источником сведений в данном случае был не этот труд, а сочинение первой половины XII в. «Таба'и' ал-хаййаван», написанное Шараф ал-Заманом Тахиром ал-Марвази, которое 'Ауфи неоднократно цитирует и, собственно, сообщает его имя автора этого сочинения [14. С. 10–11; 12. С. 17, *dīrnot* 60 (приведена литература)]. Сам ал-Марвази действительно базировал свой труд на сведениях из «Зайн ал-Ахбар» [15. С. 105; 16. С. 87–88; 3. С. 17], однако отдельные эпизоды, в том числе связанные с кочевыми тюркскими племенами Дешт-и Кыпчака, у него существенно отличаются от сообщений ал-Гардизи [См.: 17. С. 60–65; 18. С. 95–103]. Следует отметить, что В.В. Бартольд и Й. Маркварт лишь предполагали историографическую связь между «Джавами ал-Хикайат» и «Таба'и' ал-хаййаван», однако на момент написания их работ сочинение ал-Марвази считалось утерянным: его текст и перевод на английский язык был опубликован В.В. Минорским лишь в 1942 г. [14]. В частности, В.В. Бартольд сообщал об этом источнике следующее: «*Ибн Муханна по поводу двенадцатилетнего животного цикла ссылается на не дошедшее до нас сочинение врача Шараф аль-Замана Марвези „О нравах животных“*» [19. С. 81]. Ниже мы постараемся еще раз продемонстрировать, что именно на труде ал-Марвази базировал свой рассказ о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака Мухаммад 'Ауфи.

Начнем с того, что начало рассказа о тюрках в сочинении последнего практически полностью совпадает с началом главы «О тюрках» в «Таба'и' ал-хаййаван». «*Тюрки являются великим народом и состоят из множества видов и разновидностей, многих племен и родов. Некоторые из них обитают в городах и поселках, и некоторые из них живут в пустошах и пустынях*» [14. С. 29]. Мухаммад 'Ауфи полностью следует и логике перечисления тюркских племен, которая присутствует в упомянутой главе из «Таба'и' ал-хаййаван»: первыми упоминаются гуззы, как это делает и ал-Марвази. Более поздний автор очевидно сократил первую строчку из более раннего сочинения, что позволило ему связать гуззов и уйгуров не столь очевидно, как об этом пишет ал-Марвази. «*Среди их великих племен есть Гуззы, которые включают в себя двенадцать племен, и некоторые из них называются Тогузогузами, некоторые Ю-гурами, и некоторые Уч-гурами*» [14. С. 29]. Другим маркером, говорящим в пользу связи текста «Джавами ал-Хикайат» и именно с «Таба'и' ал-хаййаван», является упоминание в обоих памятниках при описании племени кунов хорезмшаха Икинчи ибн Кочкара (Кинджи у 'Ауфи — *Д.Т.*), о чем не сообщает в своем рассказе о тюрках ал-Гардизи [20. С. 109–219].

Впрочем, именно у последнего ал-Марвази заимствует большую часть своего рассказа о кыргызах: особенно упоминание о кремации умерших и предсказателях будущего, которых он, как и Гардизи, называет *фағйиңун* (فغینون) (?) [21. С. 30 (перс. текст), 48 (рус. перев.); 20, С. 128 (англ. перев.), 189

(перс. текст); 14, С. 30 (англ. перев.), 43, *19 (араб. текст)]⁴. Этих же предсказателей будущего Мухаммад ‘Ауфи называет иначе: «я слышал, что среди Хархизов есть люди из простонародья, которых они называют “возлюбленными” (معشوق)...» [9. С. 100]. Здесь, с нашей точки зрения, мы вновь сталкиваемся с банальным искажением исходного написания в тексте «Джавами ал-Хикайат», как это было продемонстрировано нами на примерах выше.

Однако в остальном сообщение о них в «Джавами ал-Хикайат» ничем не отличается от данных из «Зайн ал-Ахбар» и «Таба’и’ ал-хаййаван» [9. С. 100]. При этом ал-Гардизи не приводит в своих сообщениях о кыркызах рассказа о путешествии одного из них к границам собственного региона проживания и его встречи с «великанами» [20, С. 126–128]. Такое сообщение есть только у ал-Марвази, что еще раз подчеркивает тот факт, что Мухаммад ‘Ауфи был знаком лишь с его сочинением, а не с более ранним текстом «Зайн ал-Ахбар». «В землях Кургизов есть это четыре водных потока, которые текут и вливаются в единый большой водный поток, протекающий гор и мрачных пещер. Рассказывают, что некий человек из Хирхизов построил корабль и плыл по той реке три дня в темноте, так что в эти трое суток он не видел ни света солнца, ни звезды, ни какого-либо другого света. Затем он выехал на свет и открытое пространство и покинул свой корабль. Услышал звук копыт животного, тогда немедленно влез на дерево; оттуда увидел трех проезжающих всадников, которые были по высоте подобны копыю и с ними были собаки величиной с быка. Когда они подошли к нему и увидели его, они сжалились над ним, и один из них спустил его вниз [с дерева] и посадил его на свою лошадь, спрятав его от собак, опасаясь, что они разорвут его на куски. Затем его привезли они в свое жилище и угостили его своей едой, удивляясь ему, потому что они никогда людей подобных ему не видели. Затем один из них вывел его оттуда и довел его до его собственного дома, направляя его по дороге, пока он не добрался туда. Никто не знает, кем были эти люди и какого они племени и роду» [14. С. 30]. Сравнение этого рассказа с тем, что было приведено нами выше, равно как

⁴ В. Минорский, читавший здесь вслед за В.В. Бартольдом *faghīnūn*, утверждал, что это однозначно слово восточно-иранского происхождения, которое может быть сопоставлено с др.-ир. *βagh* ‘God’ (ср.: *faghfūr*) [14. С. 104–105]. А. Инан предложил исправление приводимого у Гардизи написания *فغينون* на *فمينون*, при этом расшифровывая его как *kat-oyun* [22. С. 74]. Согласно А. Инану, в первой части сочетания следует видеть известный термин *qam* ‘шаман’, во второй части – название шамана, известное у саха тюрков (якутов), *ойүн*. Илья Гершевич предположил, что здесь оригинальное согд. **vaghvēwan* (< *vagh* ‘God’ + *vēwan* ‘prophet’), вследствие метатезы преобразовавшееся в **vaghēvwan*, что в арабском написании должно было передаваться как **faghēfwan*, но ошибочно написано *faghīnūn* (*faghēnūn*) [23. С. 180, Комм. 17]. А.П. Мартинес предпочитает транскрипцию *foḡītūn*, отмечая при этом возможность двоякого чтения в рукописи: *FĠYNWN* или *VĠYNWN*; он допускает, что это двухэлементный термин, первое слово в составе которого сопоставляет с др.-тюрк. *böḡü* ‘wise, sage’, монг. *böge/büge* ‘shaman, wizard’ [20. С. 128, note 20] — В.Т.

и отсутствие подобного сообщения у ал-Гардизи не оставляет сомнений в том, что при описании кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака главным, а возможно и единственным источником для Мухаммада ‘Ауфи, был именно текст «Таба’и’ ал-хаййаван».

Стоит также обратить внимание на концовку рассказа о тюрках в тексте Мухаммада ‘Ауфи: «*другим племенем тюрков являются Харлухи (خرلخ): их местожительство — горы Бутас (بوتس) и эти горы являются золотыми горами. Они были рабами Токузгуззов (تغزغز), но затем взбунтовались против них и ушли в земли Туркестана и многие из них приняли Ислам. Их девять группировок — три [носят название] Джакали / Масаки (جکلی / مسکی), и три [носят название] Хасаки (هسکی), и одна [называется] Нада / Бадава (ندا / بدوا), другие [называются] Кавалин / Кавали (کوالی / کوالین) и Нахастан / Нахостин (نخستین / نخستین)*» [9. С. 99–100]. У ал-Марвази название горы, где располагается местожительство карлуков дано как تونس (**толис*). Названиям девяти подразделений карлуков, приведенным Мухаммадом ‘Ауфи, у ал-Марвази соответствуют следующие именованья: по три *чигиль* (جکلیة) и *бескляйе*, остальные три — *бلاق* (**булак*), *кюк-эркин* (**кюль-эркин?* **кюль-эркин?*), *тхусы* (**тхусы*) [14. С. 31 (англ. перевод), 106 (коммент.), *19 (араб. текст)]. Как видно, эти орфографические формы без особых затруднений могут превратиться в искаженные написания, приведенные у Мухаммада ‘Ауфи (подробнее об идентификациях см., напр.: [13, С. 197, Комм. 42])

Заключение

Сопоставление рассказ о кочевых тюркских племенах Дешт-и Кыпчака из «Джавам ул-хекаят ва лаваме ур-ревайат» Мухаммада ‘Ауфи с соответствующим разделом из «Таба’и’ ал-хаййаван» не оставляет никаких сомнений в том, что именно текст ал-Марвази стал главным источником сведений о тюрках для более позднего автора. Рассказ автора первой половины XIII в. представляет собой краткий пересказ избранных фрагментов из более раннего сочинения, где, очевидно, наибольшее внимание Мухаммада ‘Ауфи было обращено на кыркызов: так, о некоторых тюркских племенах он сообщает лишь название и примерную локализацию кочевания, но лишь о кыркызах мы находим весьма подробные сведения. В частности, в состав «Джавам ул-хекаят» вошел рассказ о кремации покойных, которое осуществляет это племя, равно как сообщение о «провидцах», к которым обращаются кыркызы для того, чтобы узнать будет ли следующий год урожайным или нет. Несомненно, именно ал-Марвази стал источником сведений о путешествии одного из представителей данного племени с целью узнать границы собственного региона проживания и о его встрече с великанами — в других ранних текстах, в частности у ал-Гардизи, этого рассказа просто нет. Стоит также отметить, что определенные, «сложные» для перевода места из «Джавам ул-хекаят» легко

переводятся при соотнесении их с соответствующими разделами из «Таба’и’ ал-хаййаван», как это было в случае с локализацией проживания кыргызов.

Несмотря на то, что приведенный нами отрывок из сочинения Мухаммада ‘Ауфи является частичной компиляцией текста «Таба’и’ ал-хаййаван» его перевод на русский язык имеет определенное научное значение. Прежде всего, перед нами наглядная демонстрация историографической преемственности в описании кочевых тюркских племен Дешт-и Кыпчака между мусульманскими памятниками XII — первой половины XIII в. Также важно понимать, что именно интересовало более поздних авторов в текстах их предшественников и на каких описаниях они сосредотачивали свое наибольшее внимание. На примере Мухаммада ‘Ауфи можно констатировать интерес поздних историков к обычаям и традициям кочевых народов, равно как и пересказ ими наиболее интересных легенд, которые были приведены их предшественниками. Несомненно, отдельное внимание заслуживают упомянутые Мухаммадом ‘Ауфи топонимы и этнонимы, часть из которых передана им с очевидными ошибками, что может свидетельствовать и его собственной невнимательности, равно как и об ошибках, допущенных переписчиками рукописного текста. Фиксация такого рода искажений ценна, с нашей точки зрения, еще и потому, что позволяет фиксировать эволюцию тех или иных топонимов и этнонимов в рамках мусульманской историографии на достаточно длительном временном промежутке.

Библиографический список

1. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990.
2. Тимохин Д.М., Тишин В.В. Список тюркских племен в сочинении Фахр-е Модаббера // Золотоордынское наследие. Материалы VII Международного Золотоордынского Форума «Цивилизационное значение принятия Ислама Волжской Булгарией и Золотой Ордой: интеграционные процессы в средневековой истории России», Казань, 14–16 декабря 2022 г. Выпуск 5. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2023. С. 38–50.
3. Бартольд В.В. Сочинения. Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М.: Наука, 1963.
4. Lubabu ‘I-Albab of Muhammad ‘Awfi / Edited in the original Persian. Pt I, with indices, Persian and English prefaces, and notes, critical and historical, in Persian, by E.G. Browne and Mirza Muhammad ibn ‘Abdu ‘I-Wah-hab-i-Qazwini. Leyden: E.J. Brill; London, Luzac & Co., 1906.
5. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть 2. Исследование. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1900.
6. Elliot H.M. The History of India, as Told by Its Own Historians. Vol. II, Muhammadan period / Ed. by J. Dowson. London: Trübner & Co., 1869.
7. Matīnī J. ‘Awfī Sadīd-al-Dīn // The Encyclopaedia Iranica. London: Brill, 1989 Vol. III, Fasc. 2. P. 117–118.
8. Бейсембиев Т.К. Известия «Джавами’ ал-хикайат» ал-‘Ауфи о Саманидах, Караханидах, Сельджукидах и Хорезмшахах // Золотоордынское обозрение. 2015. № 1–2. С. 178–206, 197–230.

9. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть первая. Тексты. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1898.
10. *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen // *Bang W., Marquart J.* Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914. S. 25–238.
11. *Marquart J.* Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde von Mittelasien und Sibirien // *Ostasiatische Zeitschrift*. 1919–1920. Bd. VIII. Festschrift für Friedrich Hirth zu seinem 75. geburtstag 16. april 1920. S. 289–299.
12. *Şeşen R.* İslam Coğrafyacılarına Göre Türkler ve Türk Ülkeleri. 2. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 2001.
13. *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. –Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992.
14. *Sharaf al-Zamān Ṭāhir Marvazī* on China, Turks and India / Arabic Text (circa A.D. 1120) with the English translation and commentary by V. Minorsky. London: The Royal Asiatic Society, 1942.
15. Гардизи Абу Са'ид. Зайн ал-ахбар. Украшение известий. Раздел об истории Хорасана / Перевод с персидского языка А.К. Арендса. Введение, комментарии и указатели Л.М. Епифановой. Ташкент: Фан, 1991.
16. *Kitab Zainu'l-Akhbar*. Composed by Abu Sa'id 'Abdu'l-Hayy B. aḍ-Ḍahhak B. Maḥmud Gardizi about A.H. 440 / Edited by Muhammad Nazim. Berlin: Orientalischer Zeitschriftenverlag Irsanschähr, 1928.
17. *Тимохин Д.М.* Упоминания титулатуры тюркских правителей при описании истории Газневидов в «Таба'и' ал-Хаййаван» ал-Марвази // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2021 № 3. С. 60–65.
18. *Тимохин Д.М.* Сведения о султанах Махмуде Газневи в сочинении Ал-Марвази «Таба'и' ал-Хаййаван» // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2022. № 1 (45). С. 95–103. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2022-45-95-102>
19. *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // *Сочинения*. Т. 5. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 19–195.
20. *Martinez A.P.* Gardīzī's Two Chapters on the Turks // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1982. Т. II. P. 109–217.
21. *Бартольд В.В.* <Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбār*> Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // *Бартольд В.В. Сочинения: в 9 т.* М.: Наука, 1973. Т. VIII. Работы по источниковедению. С. 23–62.
22. *İnan A.* Tarihte ve Bugün Şamanizm: Materyaller ve Araştırmalar. 3. baskı. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1986.
23. *Boyle J.A.* Turkish and Mongol Shamanism in the Middle Ages // *Folklore*. 1972. Vol. 83. No 3. P. 177–193.

Информация об авторах

Тимохин Дмитрий Михайлович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел истории Востока, ФГБУН Институт востоковедения РАН, e-mail: horezm83@mail.ru. ORCID: 0000-0002-9093-5269

Тишин Владимир Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Российская Федерация, e-mail: tihij-511@mail.ru. ORCID: 0000-0001-7344-0996